

Научная статья

УДК 39+355.01

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127>

Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье

Денис Михайлович Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, dmpetrov-92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Аннотация. Статья посвящена вооруженным конфликтам, происходившим на территории Якутии в эпоху позднего средневековья и влиянию военизированного быта на культурные коды народа саха. Основными источниками работы являются этнографические, археологические и документальные материалы, позволяющие реконструировать социально-политические и этнические процессы, протекавшие в Ленском крае. Исследование базируется на принципах комплексного подхода в контексте антропологии войны. На основе рассмотренных материалов предполагается, что первостепенная причина междоусобных войн могла заключаться в политической организации в форме вождества, хозяйственных и социальных отношениях якутов. Военное дело являлось одним из базовых столпов существования якутского вождества, инструментом установления власти и расширения влияния для кочевой элиты, представленной потомками степных номадов. Военизированный характер социальных отношений способствовал сохранению многих архаичных воинских обычаев и во многом определил этнокультурный облик якутского социума. Немаловажную роль в периодических обострениях конфликтов и сохранении военизированного быта играли глобальные климатические изменения, происходившие в указанную эпоху. Природные катаклизмы неизменно приводили к повышению мобильности скотоводческого населения и росту уровня его агрессии. В статье выдвигается предположение, что накануне появления русских первопроходцев в Ленском крае якуты переживали процесс распада единого сложного вождества на ряд простых, сопровождавшийся многочисленными вооруженными конфликтами. Из-за внутренних противоречий военизированная элита не смогла мобилизовать силы для отражения походов казачьих отрядов; включение Якутии в состав Русского государства не остановило междоусобицу и ускорило распад средневековой политической и социальной организации якутов.

Ключевые слова: Сибирь, Якутия, антропология войны, этническая история, социогенез, вождество, номады, элита, война

Для цитирования: Петров Д. М. Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 116–127. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127>

History

Original article

Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages

Denis M. Petrov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk, Russia, dmpetrov-92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Abstract. The article is dedicated to the armed conflicts that took place on the territory of Yakutia in the Late Middle Ages and the influence of militarized way of life on the cultural code of the Sakha people. The main sources of the work are ethnographic, archaeological and documentary materials. Based on the materials considered, it is assumed that the primary cause of internecine wars lay in the political organization (in the form of chiefdom), economic and social relations of the Yakuts. Warfare was one of the basic pillars of existence of the Yakut chiefdom, an instrument for establishing power and expanding influence for the nomadic elite represented by the descendants of steppe nomads. Global climate changes that occurred in this era played an important role in the periodic aggravation of the conflicts and the preservation of the militarized way of life. Natural disasters were invariably accompanied by an increase in mobility of the cattle breeding population and an increase in the level of its aggression. The article suggests that on the eve of the appearance of Russian pioneers in the Lena Region the Yakuts experienced collapse of a single com-

© Петров Д. М., 2022

plex chiefdom into a number of simple ones, which provoked numerous armed conflicts. Due to internal contradictions the militarized elite could not mobilise forces to repel Cossack invasion; the inclusion of Yakutia into the Russian state did not stop the civil strife and accelerated the collapse of the medieval political and social organization of the Yakuts.

Keywords: Siberia, Yakutia, anthropology of war, ethnic history, sociogenesis, chiefdom, nomads, elite, war

For citation: Petrov D. M. (2022) Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 116-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127>

Введение. Якутия – суровый северный край – в древности и в средневековье была ареной яростной борьбы за право жить на ее просторах. Неудивительно, что лейтмотивом большинства циклов исторических преданий и легенд, охарактеризованных Г. В. Ксенофоновым как «устная летопись» народа саха, являются именно конфликты между якутскими кланами, войны с иноплеменниками и столкновения с казаками. Они преподносят нам далекие отзвуки событий, наиболее глубоко впечатавшихся в сознании народа. Материалы по археологии и этнографии, а также документальные свидетельства позволяют нам лучше понять сущность того «дымящегося свежей кровью» времени жестоких схваток, воспетого как *Кыргыз юйэтэ* – «Век сражений».

Результаты и обсуждение. Военизированный характер якутского средневековья хорошо отображается в археологических материалах, прежде всего, погребальных. Средневековых захоронений на территории Якутии обнаружено не так много – всего в пределах двух десятков. Эти памятники представляют собой одиночные захоронения, разбросанные друг от друга на расстоянии десятков и сотен километров. Облик захороненных можно обрисовать как классических для степной и таежно-степной Евразии конных воинов и охотников. Сопроводительный инвентарь представлен элементами конской сбруи, боевым и охотничьим вооружением (Бравина, Дьяконов, 2015).

Следы повреждений на костяках из раннеякутских погребений относительно часты. Наиболее показательны те, что были отмечены на костях мужчины 35–45 лет из захоронения Сергеляхское (XV в.) (Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016). Правая сторона верхней челюсти отсутствовала в результате травмы, полученной, предположительно, в 20–25 лет. Были зафиксированы прижизненные переломы ребер и левой ключицы, которая

зажила с укорочением на 1 см. Причиной смерти стал длинный разруб на своде черепа, с правой стороны. Похожие раны были на костяке из Атласовское I (XIV–XV вв.) (Дьяконов, Степанов, Багашев и др., 2014; Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016). На черепе мужчины 20–25 лет, с левой стороны зафиксированы 3 сильных разруба, нанесенных прямым или слабо изогнутым клинком длиной более 17,5 см, каждый из которых мог быть смертельным: 2 – на черепной коробке и 1 на нижней челюсти. Повреждения, нанесенные холодным оружием, отмечены и на черепахах, захороненных из Ат Быран III, Кудук I, Кюкяй I, Часовня Атта (Бравина, Прокопьева, Петров и др., 2019; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017; Петров, 2019; Гоголев, 1990. С. 90). Пожилой мужчина из захоронения Тымпы (Нюрбинский район) погиб в результате попаданий стрел в грудь и спину (Мир древних якутов, 2012. С. 182–183).

Схожая картина характерна, к примеру, для сармат, в погребальных комплексах которых боевые травмы зафиксированы у 70 % мужчин; отмечено также, что у этих погребенных сильно изношены суставы, гипертрофированно развиты мышцы плеч и рук, наблюдались патологии позвоночника, связанные с постоянным пребыванием в седле (Яценко, 2015. С. 91). Определенные изменения в скелете, связанные с воинской деятельностью и всадничеством, обнаруживаются и на костяках из раннеякутских погребений.

В материалах поселенческих памятников отзвуки былых войн выражены меньше. Есть предположения, что два жилища в поселении Сырдык Сулус в Амгинском районе подверглись обстрелу, на что указывают наконечники стрел, найденные вдоль внешних сторон стен. В сосновом лесу в местности Оргумай в горном районе было открыто поселение из трех жилищ, датированное XVII в. (Гоголев, 1990. С. 54–56). В одном из них были за-

фиксированы два костяка – мужской и, возможно, женский. Над головой мужчины лежал железный клинок пальмы; у головы, правого бедра и левой берцовой кости – 3 железных ножа; возле костяка также были обнаружены железные элементы саадачного пояса, в его очертаниях – железный наконечник стрелы. Второй костяк сохранился значительно хуже; из предметного комплекса имелся мелкий пастовый бисер белого и синего цвета, а в районе пояса – бронзовые элементы костюма в виде колец с двумя рогообразными отростками, оканчивающимися изображениями стилизованных конских голов. По периметру жилища были зафиксированы наконечники стрел из железа и кости. По всей видимости, эти двое погибли во время вооруженного нападения, защищаясь от неприятелей в своем жилище.

Подобное часто случалось в позднем средневековье и фиксировалось в казачьих документах. В 1640 г. намский якут Чигинайка Тюбяков жаловался на одейца Олдека с товарищами: «И наехали те одейские мужики Олдек и Толко с товарищи и того Кузагалка те одейские мужики кольем скололи до смерти, а за братом моим погнались и неведомо того брата моего убили, неведомо жив. Да брата ж моего Буялная взяли его жену, да 4 коня, да 5 кобыл, 3 жеребенки и 5-я без жеребенка» (Иванов, 1974. С. 31). В 1654 г. князец Тимирейко Батырев утверждал, что к нему приходили намские якуты Мекчек Тойбокочев с товарищами и звали его «громить киргидайских мужиков» на Вилюе. Получив отказ, намцы попытались убить Тимирейко, а людей его «...до полусмерти убили и иных ясашных мужиков били и грабили», при этом отогнав у него 10 лошадей (Колониальная политика..., 1936. С. 208–209). «...Усуна с товарищи убил 4 человек, а 5 человек взяли в живых, да жен наших и детей мужска и женска полу взяли к себе в полон 26 человек, а иных маленьких детей прибили и в снег побросали...» – сообщает в своей челобитной от 1656 г. осекуйский якут о нападении на их поселение двух родов калтакульских тунгусов (Токарев, 2012. С. 245). В донесении борогонских якутов, датированном 1675 г., говорится, что батуруссы Немняк, Девенюк Молтон и Екон Очеевы «с детьми и родниками» приезжали в количестве 60 человек «войною, в кюках и с копыи» и угнали у них «20

лошадей добрых, 20 лошадей ездовых, 40 кобыл больших... 10 жеребцов, 2 жеребенка», утащили котел, седло, 2 пешни, 2 топора, аркан, собаку и пр., убив при этом якута Ахаптая, а другого, Коржегаса избив до полусмерти (Там же. С. 143). В 1650 г. пятидесятник Коська Степанов ходил на «непослушных» якутов с р. Амга, которые «свою братию якутов учили побивать до смерти и животы их и скот грабить, а жен и детей в работу имать» (Ионова, 1945. С. 12).

Исходя из документальных свидетельств можно представить, каков был уровень агрессии в средневековом социуме. «Финал боевых действий был предельно жестоким, – пишет Ф. Ф. Васильев. – Потерпевшая сторона, не запросившая мира, не способная уплатить соответствующую контрибуцию или не прощенная, зачастую истреблялась поголовно» (Васильев, 1994. С. 45). В столкновениях мог пострадать любой; порой не щадили ни детей, ни женщин. Для человека с архаичным мировоззрением подобное деяние не было чем-то экстраординарным (Георгиевский, 2005); но случалось такое скорее всего довольно редко – ведь люди также были ресурсом, необходимым для выживания социума в малонаселенном северном крае; в якутских легендах весьма часты сюжеты захвата победителями женщин и детей в свою собственность.

«Каждый клан имел свою дружину, – отмечает Ф. Ф. Васильев, – нередко очень малочисленную. Дружинники назывались «*кыргыз дьоно*» или «*ботурат*». Крупные сражения, в которых участвовали сотни человек, случались редко, в большинстве случаев это были мелки стычки» (Васильев, 1995. С. 59). Количество профессиональных воинов в середине XVII в. автор оценивает в 2 тыс. человек, что составляет 1:13 в соотношении к общей численности якутов (Там же. С. 142).

В номадических обществах большинство рядовых скотоводов вели хозяйства самостоятельно и обладали личной независимостью; в свою очередь им приходилось компенсировать затраты вождей за отправление ими общественных функций (Крадин, 2015. С. 27), к каковым относились, помимо распределения ресурсов, политических и торговых связей с иноэтничными группами и т. п., защита в случае нападения врага. В якутском социуме профессиональная воинская деятельность являла со-

бой сословную привилегию, которую заслуживал лишь ограниченный процент мужчин, клановая элита (Васильев, 1995. С. 61), в то время как социальное большинство («улусные мужики») главным образом было задействовано только в процессе производства материальных благ и в войнах принимало участие редко, несмотря на милитаризованный в целом характер социальных отношений. Главной мишенью межклановых набегов в XVII в. были именно улусные люди. Агрессия в отношении рядового населения чужих кланов порой приводила к полноценным боевым действиям, в которых с обеих сторон участвовали тойонские дружины, состоящие из профессиональных воинов.

Известно, что для боевых операций привлекались люди из зависимых категорий населения – боканов и холопов. Они непосредственно участвовали в боях, служили в качестве посыльных, занимались угоном скота и выполняли иные поручения своих господ (Токарев, 2012. С. 119–121). Возможно, что вопросами снабжения войска провиантом также были заняты боканы и холопы. Во время военных походов якуты перегоняли табуны лошадей для пропитания войска; известно, что в восстании 1642 г. «кангаласы де с собою привели на корм кобыл» (Якутия в XVII веке, 1953. С. 292).

Люди были неравны – в средневековье это неравенство проявлялось в полной мере. Подвижный и военизированный быт способствовал тому, что у тунгусов, якутов и тундровых сообществ встречалась практика избавления от сородичей, которые могли стать тяжкой обузой социуму. У якутов это выражалось в том, что «неспособных к труду или больных убивали или оставляли на произвол судьбы в лесу, привязанными к лесине» (Косарев, 1984. С. 140). Ценность человеческой жизни различалась в зависимости от многих конкретных и четко обозначенных факторов, в частности, социального статуса. Это хорошо видно на примере использования боканов и холопов в опасных и порой самоубийственных заданиях в ходе боевых действий с казаками. Так, в одной отписке раскрывается план убийства якутами воеводы Петра Головина во время восстания 1642 г.: «И говорил де Дадык шаман пойдем де под острог, а ясаку де зберем, да пошлем с нарочитым боканом, и велим де за рукав нож положить, и как де ясак станем давать, и в та

де поры бокану велим заколоть тоена большего. А бокана де хотя и убьют, ино де иво не жаль, бокан де не дорогой человек» (Токарев, 2012. С. 121).

Некоторые челобитные и легендарные тексты изобилуют деталями, которые могут показаться шокирующими для современного обывателя. Например, борогонский якут Онюкей сообщает, что в 1651 г. приезжал баягантаец Барчигир (легенд. Бахсыгыр Огонньор) «...воиною братею и детми своими и со всем родом в куюках человек семдесят и сына моего Чинаду убили насмерть и очи у нево Чигады у живого ножом выкололи руки и ноги и срамные уды отрезав... на сторону кинули...» (Борисов, 1997. С. 89). А. А. Борисов отмечает, что этим донесением надежно верифицируется предание о противостоянии борогонцев с баягантацами, где также имеется мотив расчленения тела поверженного витязя. «Мадьыгы Тёрёнёй (...) побежал и убил (Чынгааду – Д. П.), изрубив пальмою тело его на части, отрубив голову, выковырял глаза и положил их на два пня. Положив, пустился бежать в свою сторону. При этом зрочки Чынгаада следили за ним на расстоянии одного кёс» – рассказывается в легенде (Исторические предания..., 1960. С. 226).

Расчленение было зафиксировано в погребении Тымпы (XVII в.), исследованном в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. На костях пожилого мужчины имелись следы отделения конечностей и удаления межреберных мышц; помимо этого, были изъяты спинной и головной мозг, а также органы брюшной полости, взамен которых были помещены сено и сосновая кора, что свидетельствует о бальзамировании тела, подобном скифским практикам Горного Алтая (Полосьмак, 2001. С. 238–255). Жарханский Быркынгаа Боотур в одной из легенд, расчленив и распотрошив тело витязя Кэтирэй Бёгё, развешивает его конечности и органы на деревья в окрестностях оз. Нюрба, от названий которых произошли местные микротопонимы (Исторические предания..., 1960. С. 238).

Известно, что после убийства О. Галкина в ходе восстания 1642 г. «...Осипа де уже мертвого коллол, надругался Еюков племянник Отунда» (Ионова, 1945. С. 85). Подобные действия совершались и другими сибирскими народами. «С пленниками мужского пола, особенно знатнейшими удальством своим, поступали они с обыкновенным всем та-

мошным народам бесчеловечием, – пишет С. П. Крашенинников о воинских нравах ительменов. – Жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги и всякие делали надругательства, торжествуя при том о победе над неприятелем» (Крашенинников, 2019. С. 300). Вполне вероятно, что в сибирских культурах бытовали такие же непривычные для европейцев ритуальные практики, как и у североамериканских индейцев, которые перед убийством пленника применяли к нему суровые пытки, чтобы оказать достойному противнику уважение (Табарев, 2003. С. 119–120).

Жестоким образом был убит жарханским якутом Балтугой Тимиреевым и его людьми казак Левка Лаврентьев; помимо множества ран, говорящих о применении пыток, известно, что ему «грудь спороли, и сердце выняли» (Дополнения..., 1859. С. 15, 32)¹. В казачьей челобитной от 1645 г. мы читаем угрозу ситтинских якутов в отношении служилых людей: «...Только де вперед приедете, и мы де сердца ваша из вас выедем...» (Колониальная политика..., 1936. С. 21). Как можно убедиться, одними угрозами они не ограничивались. Мотив вырезания сердца и печени часто встречается в якутских легендах – так поступал, в частности, Быркынгаа Ботур (Эллэйада, 1977. С. 175); нанизав вражеские сердца и печени на копье возвращался из боевого похода жарханский Улуу Омолдоон (Там же. С. 200); вырезанные сердца и печени преподносили воины кангаласскому Тыгыну (Боло, 2006. С. 94). Корни данного обычая можно усмотреть в воинских традициях, бытовавших в степи еще со скифских времен и оставивших след в преданиях и эпосе самых разных народов (Тадевосян, 2018. С. 106).

Другими воинскими обычаями, упоминаемыми в текстах якутских легенд, являются приторачивание к сбруям боевых лошадей отрубленных человеческих голов и снятие скальпа (у оленекских якутов). Декапитация и скальпирование – близкие с семантической стороны действия; они также восходят к воинским практикам сибирских и скифских сообществ (Бравина, Петров, 2018. С. 121). Военизированный быт способствовал со-

хранению весьма древних воинских обрядов – такова фактура якутского средневековья.

Ф. Ф. Васильев считал, что одной из главных причин войн между отдельными кланами якутов было этническое противостояние (Васильев, 1995. С. 59). С ним согласен и А. А. Борисов: «Корни меж-улусного антагонизма лежат, безусловно, в сохранении в сознании якутов различных улусов представлений об особом происхождении каждого из них» (Борисов, 1997. С. 48). В то же время надо отметить, что генеалогические предания говорят об обратном. Исходя из них, большинство крупных конфликтов, раскрывающихся в основных сюжетах *Кыргыс юйэтэ*, происходит внутри небольшой группы кровнородственных лиц. Об этническом противостоянии между якутскими кланами говорить не приходится – потому как каждый клан должно быть возник смешением разнородных линиджей, но во главе них стояла кровнородственная социальная элита с единой номадической культурой. И как это часто бывало в истории, самыми яростными неприятелями были именно родственники, соперничавшие за власть и богатства. Тойоны, возглавлявшие крупные противоборствующие кланы, описываются в легендах как представители одной правящей династии – мифического Эллэя. Другими словами, это были классические междоусобные войны, между отдельными частями когда-то единой общности.

Экономические причины войн, безусловно, имели важнейшее значение. Конкурирующие тойоны боролись за расширение влияния, практиковали захват имущества, пастбищных и покосных угодий – в научной литературе этому уделено много внимания. Очевидно, что основной формой богатства в номадических обществах является скот, а богатство «...в такой форме особенно легко украсть. Поэтому в скотоводческих обществах, не имеющих сильной центральной власти для поддержания закона и порядка, кража и угон скота – обычное дело» (Айонс, 2002. С. 73).

Стоит только добавить, что на вторую половину XVI в. приходится вторая фаза малого ледникового периода, а с XVII в. начинается третья фаза – самый холодный этап, повлекший снижение хозяйственных показателей по всему северному полушарию. Для якутского скотовода потеря скота

¹ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб. : Типогр. Эдуарда Праца. 1859. Т. VII. 374 с.

вследствие климатических катаклизмов однозначно приводила к скатыванию по социальной лестнице. Чтобы предотвратить это, надо полагать, многие и брались за оружие, так как отъем скота в набеге был самым быстрым способом возместить убыль скота; в степных сообществах даже для «...простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободное скотоводство существование, а для обедневших – достичь его» (Крадин, 2002. С. 86). Природные бедствия также стимулировали рост подвижности скотоводческих групп. Пытаясь найти корм для скота, они увеличивали амплитуду кочевания или вовсе меняли регион проживания. Борьба за резервные пастбища между различными группами редко обходилась без насилия.

Определенное социальное напряжение создавали обездоленные, но прошедшие воинскую выучку, сыновья богатых скотоводов, которые, не желая пополнять контингент *балыксытов* (бедных рыболовов), сбивались в воинствующие «разбойничьи» отряды для отгона скота и создания личных хозяйств. Этим обусловлены предания, повествующие о противостоянии старших братьев с младшими, отличавшихся от первых своей бедностью и крайним удалством (к примеру – легенды о братьях Тюмеюк и Эчик, Таркаайы и Омолдоон и пр.). В преданиях сохранились также сведения о кочевой беззаботной жизни молодых воинов (*субан киси*), объезжавших группами в 12–18–40 человек осенне-весенние жилища *отор*, в которых окрестные семьи оставляли специально для них съестные припасы (Боло, 2006. С. 227).

Немаловажными являлись кровная месть и другие ситуации, порождаемые особенностями религиозного мышления средневекового человека. Так, Балтуга Тимиреев на допросе сознавался, что убил казака Л. Лаврентьева «...за братьев своих, которых побили промышленные люди, и постелю де под них добыл» (Токарев, 2012. С. 49). Под выражением «добыть постель» подразумевается воинский обряд *тэллэх булунуу* (Васильев, 1995. С. 174–175), по которому воин, отправляясь на войну, обязан был убить хотя бы нескольких противников, чтобы, в случае гибели, его неотмщенная душа не превратилась в зловредного духа. Балтуга решил

совершить обряд за братьев, осознавая и презрев последствия, которые они влекли за собой, и это стало причиной для одного из последних открытых вооруженных восстаний якутов в XVII в. Данный обряд бытовал также у камчадалов, чукчей и юкагиров.

Но все же главная причина войн могла заключаться в самой природе номадизма и была обусловлена политической организацией в форме вождества. Милитаризованная социальная элита якутского общества являлась частью *Rax Nomadica* – кочевого мира, что доказывается сличением самых различных источников. А по представлениям кочевников «...единственная достойная форма жизни для свободного человека – это жизнь воина и пастыря» (Степанов, 2015. С. 152); любые иные формы деятельности ими не почитались. Культура войны была неразрывно вшита в саму структуру якутского вождества и была одним из базовых столпов его существования. Следует помнить, что «осознание войны как рационального феномена является половинчатым без понимания ее иррациональных основ, заложенных в культуре, проявляющихся в положительной эмоциональной окраске восприятия войны и воинственности...» (Гулевский, 2014. С. 12).

До прибытия русских первопроходцев средневековое якутское общество (вернее потомство Элэя), по всей видимости, вошло в фазу междоусобных войн, обусловленных кризисом в сильнейшем на тот момент кангаласском клане, и переживало распад сложного вождества. Остатки бывшего влияния этого клана успели заметить и казаки, которые писали, что «кангаласские князцы людны и всей землю владеют, и иные многие князцы их боятца» и что они «бьют на смерть и пальмами секут и к государской милости никому приезжать не велеть», т. е. запрещают якутам из других кланов платить русским ясаком под страхом смерти (Токарев, 2012. С. 43). Многие князцы, страшась гнева кангалассцев, ясаком передавали в острог скрытно, через своих холопов.

По Я. И. Линдену, причиной междоусобиц называется династический кризис, вызванный решением правителя якутов Муньян Дархана передать власть, минуя старших сыновей, своему любимцу – Тыгыну, от чего «восстали все роды» (Лин-

денау, 1983. С. 19). «Междоусобная распря между наследниками Мунньана так глубоко всколыхнула якутский народ во второй половине XVI в., что отразилась даже и в позднейшем фольклоре...» – пишет А. П. Окладников (История Якутской АССР, 1955. С. 405). Новому вождю пришлось прожить всю жизнь в войнах, утверждая свое право на верховную власть. Тыгын Дархан – не «объединитель» якутского народа, как это принято считать; напротив, он последний верховный вождь, так и не успевший получить в свои руки всю полноту власти над якутскими кланами. Фигура его символизирует гибнущую социально-политическую организацию якутов дорусского времени, распад якутского вожества. Силой оружия Тыгын пытается противостоять центробежным тенденциям, но даже несмотря на свои многочисленные победы над непокорными кланами, не может побороть эти необратимые для вожеств процессы.

Следует учесть, что зафиксированная в русских документах ситуация – это реальность общества, оказавшегося в условиях иноземного вторжения, а документы, касающиеся первых (самых важных для нас) лет колонизации, крайне немногочисленны и малоинформативны. Кочевые полинии, в том числе и крупнейшие степные империи, были конфедерацией автономных племен и вожеств, соответственно – весьма хрупкой конструкцией, если даже со стороны казались незыблемой иерархической пирамидой (Крадин, 2002. С. 87). С первым же появлением казачьих отрядов, надо полагать, социально-политическая организация якутов рухнула окончательно. Этим объясняется противоречивое поведение якутских тойонов в эпоху присоединения.

Неудачи якутских войск в боях с казаками обусловлены разными обстоятельствами. Часто указывается техническое превосходство служилых над якутами. Наличие у казаков огнестрельного оружия, способного убить наповал даже самого именитого воина в лучших доспехах, оказывало на сибирские народы неизгладимое впечатление и давало служилым огромное преимущество в сражениях. «Не приступали де к острогу блюлись пушек, станут же ис пушек стрелять и людей де побьют много, и людей де в городе много и для того что в Мымаков улус ходило служилых людей немного а

якутов побили много а сами отошли здорово» – с горечью сообщали кангаласские тойоны после поражения восстания 1642 г. (Ионова, 1945. С. 88). При знакомстве с сибирским населением казакам наставлялось сперва угощать местных («напоить и накормить государевым жалованьем довольно»), затем продемонстрировать возможности пищалей («дважды или трожды выстрелить») для устрашения. Сами служилые сетовали на то, что «ласки иноземцы не знают, потому что люди дикие, где в зимовьях ласкою хто служилых или промысленных людей призовут и учнут их кормить без опасения, тех они людей до смерти побивают», и сразу переходили к запугиванию (Тураев, 2013. С. 41). Однако моральный эффект от незнакомого оружия быстро сошел на нет, вследствие чего сам факт наличия «вогневого боя» у служилых уже не удерживал якутов, тунгусов и др. от боевых действий.

Можно предположить, что поражения в первую очередь были предопределены особенностями социальной организации и культурной спецификой средневековых якутов. Клановая (или феодалная) анархия, царившая в войсках, отсутствие войсковой дисциплины, чрезмерный индивидуализм воинов на поле боя (как правило представителей элит, презиравших своих же рядовых бойцов), обремененность сложным церемониалом и глубоко религиозным мышлением, совершенно отличные воинские традиции и представления о чести, не позволявшие порой прибегать к военной хитрости, да и многие другие факторы не оставляли шансов традиционным сообществам, несмотря на храбрость и волю к победе, противостоять европейским солдатам Нового времени, как правило лишенным каких-либо моральных барьеров и действовавшим исходя из сугубо практических целей. Все это мы видим и в боевых действиях якутских тойонов против казаков, которые имели богатый опыт ведения войн против кочевников и сибирских народов, в то время как якуты сталкивались с европейцами впервые.

Как показывает история многочисленных колониальных войн, очень часто высокоорганизованные малые группы европейцев с легкостью разбивали в полевых сражениях неприятелей, многократно превосходивших их по численности. Во время покорения Сибири казаки всегда уступали по

численности своим противникам. От русских потерпело поражение Сибирское ханство, располагавшее куда большим войском, чем могли выставить якуты. Так было и в войнах с Империей Цин. Гораздо больше трудностей казачьи войска испытывали от боевых действий в форме герильи, заключающейся в избегании крупных сражений, маневренной самообороне, в перманентных нападениях на малые группы противника из засад и т. д. Многие десятки и сотни служилых и промышленных людей погибли в период присоединения Ленского края именно от подобных действий якутов, тунгусов, ламутов и юкагиров, в то время как полевые сражения и осады острогов и зимовий не наносили значительного вреда силам русских.

Репрезентативен следующий пример, демонстрирующий насколько иной была культура войны в эпоху средневековья. Так, в одном свидетельстве о встречном полевом сражении во время восстания 1642 г. утверждается, что после того, как служилые убили одного «...якута доброво мужика и от того убоявся» якуты отступили и стали расходиться по улусам (Ионова, 1945. С. 88). О. В. Ионова посчитала это сведение малодостоверным, отчасти оно действительно могло быть преувеличением, но и в текстах исторических преданий якутов мы находим многочисленные сюжеты, в которых неприятельское войско рассыпалось или отступало после ранения, либо убийства его военачальника/прославленного воина. Схожая ситуация описана в отписке, повествующей о бое казаков с охотскими тунгусами: «... (служилые) на приступе убили князькова, Ковырина большого брата, сына, и те де тунгусы учели над ним всеми людьми плакать. И они (казаки) де, справясь, человек с дватцать, в куюках, вышед из острожку, напустили, и у них де побии многих людей, да живых взяли семь человек, один был князец. И те тунгусы с того побю побежали» (Тураев, 2013. С. 39).

Связано это с тем, что воинов средневековых обществ (тем более рядовых бойцов) на поле боя удерживали не идеологические установки и палочная дисциплина, а только харизма вождя-военачальника, его авторитет, воля и сила убеждения. Якутские тойоны лично возглавляли войска и участвовали в боях наравне со своими воинами. Моральный дух войска традиционного времени

иссякал вместе со смертью военачальника, или в связи с его малодушным поведением на поле боя; рассматривая военную историю античности и средневековья мы сталкиваемся с этим явлением постоянно. В якутских преданиях моральный дух войска объясняется благосклонностью сверхъестественных сил. Для привлечения темного божества войны и кровопролития Илбис Кыыса («Дочь Илбис») проводился обряд *илбис тусэрии*: «В старину... перед выступлением в поход воины копьем или стрелами пронизывали какого-нибудь мальчика или старика и окрашивали оружие его кровью, вселяя в себя дух кровопролития» (Васильев, 1995. С. 167). Схожая традиция существовала и у тунгусов, которые при обряде посвящения в воины «...вызывали духа войны, затем по приказу военачальника убивали дряхлого старика или старуху, чтобы их кровью окропить оружие» (Гвоздев, 2011. С. 140).

В период присоединения Ленского края к Русскому государству якутская элита, ввиду своей системной рыхлости и внутренних противоречий, не смогла организовать мощное сплоченное сопротивление вторжению. Тойонат, быстро осознав бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы и не желая терять своих властных полномочий, нашел выход из сложившейся ситуации в сотрудничестве с русской администрацией и интеграции в колониальную систему. Якутские князья подчинились казачьим властям только потому, что не смогли им противостоять. Одни поняли это сразу, а другие – после реальной пробы сил. Рядовое же население пыталось по-своему ответить на объективное ухудшение условий существования в период трансфера власти и утверждения нового политического строя. Большинство якутов, конечно, приняли решение своего тойоната и начали исправно выплачивать ясак; но многие предпочли неорганизованные формы сопротивления – откочевывали «в дальние неизвестные места», совершали нападения на служилых и промышленных людей, грабили ясачное население. Уровень жесточести виден на примере восстания 1639 г., когда улусная беднота, захватив зимовье на Алдане, перебила находившихся там промышленных людей, а вместе с ними и «четырех ребяток крещеных», родившихся от новокрещеных якуток; при этом были

сожжены найденные в зимовье иконы (Ионова, 1945. С. 60).

Выводы. Мы не можем точно узнать масштаб и характер средневековых войн, но можем предположить, что они происходили между более или менее равносильными организованными группами, что позволяло сохранять определенный баланс сил в регионе и избегать массовых жертв. Они могли быть жестокими и приводить порой к истреблению целых кланов, но, как и большинство междоусобных войн, протекали в основном локально и быстро, без привлечения широких слоев населе-

ния, оставаясь привилегией элит. Тем не менее милитаризованный быт накладывал отпечаток на культуру, социальные отношения и хозяйственную жизнь якутов. Появление казаков в качестве новой силы не остановило междоусобицу и не привело к объединению якутских кланов, а, напротив, еще больше дестабилизировало политическую обстановку, вызвав колоссальный системный кризис и ускорив распад прежней социальной организации и ее структур – для преодоления этих сложностей потребовались многие десятилетия.

Список источников

Айонс У. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2002. Т. 6. С. 72–78.

Багашев А. Н., Ражев Д. И., Зубова А. В., Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Ходжинс Г. В. Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44. № 2. С. 137–147. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Боло С. И. Легендарные предки якутов и период междоусобиц: предания (на якут. яз.) / Сост. Г. В. Попов. Кн. 1. Якутск: Бичик, 2006. 240 с.

Борисов А. А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Бичик, 1997. 155 с.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Сlepченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Петров Д. М., Соловьева Е. Н., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Сlepченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2017. № 1 (36). С. 44–63. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

References

Aions U. (2002) Cultural capital, cattle raids and the military superiority of traditional pastoralists. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii = Nomadic alternative of social evolution*. Moscow: Institut Afriki RAN. Vol. 6. P. 72-78. (In Russ.).

Bagashev A. N., Razhev D. I., Zubova A. V., Bravina R. I., D'yakonov V. M., Stepanov A. D., Kuz'min Ya. V., Khodzshins G. V. L. (2016) A medieval Yakut burial near lake Atlasovskoye of the 14th-15th centuries: an anthropological study. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 44. No. 2. P. 137-147. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Bolo S. I. (2006) Legendary ancestors of the Yakuts and the period of civil strife: tradition. Yakutsk: Bichik. Book 1. 240 p. (In Yakut).

Borisov A. A. (1997) Yakut uluses in the Tygyn era. Yakutsk: Bichik. 155 p. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M. (2015) The Early Yakut medieval burials of the 14-17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = Northeast humanitarian bulletin*. No. 3 (12). P. 27-32. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M., Nikolaev E. N., Petrov D. M., Syrovatskii V. V., Bagashev A. N., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Razhev D. I., Alekseeva E. A., Zubova A. V., Kuz'min Ya. V. (2016) Complex research of the early Yakut burial in Sergelyakh of the middle 15 - the beginnings of the 16th century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of archeology, anthropology and ethnography*. No. 4 (35). P. 90-109. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M., Petrov D. M., Solov'eva E. N., Syrovatskii V. V., Bagashev A. N., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Razhev D. I., Alekseeva E. A., Zubova A. V., Kuz'min Ya. V. (2017) Female burial of the XVII century Atlasovskoe-2 from Central Yakutia: the results of a comprehensive study. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 1 (36). P. 44-63. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

Бравина Р. И., Петров Д. М. Племена, «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 119–127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Бравина Р. И., Прокопьева А. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В. Погребения по обряду кремации Ат Быран III и Куудук III в долине Эркээни на Средней Лене (XIV–XVIII вв.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 109–123.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Васильев Ф. Ф. Раннеякутский улус: социальные и военные структуры // Этнос: традиции и современность : сборник научных трудов. Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 32–50.

Гвоздев Р. В. Развитие военной организации тунгусо-маньчжуров (по материалам середины XIX–XX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 138–143.

Георгиевский Э. В. Лишение жизни в архаических обществах: обрядовость и быт // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 44–48.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 192 с.

Гулевский А. Н. Антропология войны: воля к битве // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 5 (132). С. 9–12.

Дьяконов В. М., Степанов А. Д., Багашев А. Н., Ражев Д. И., Кузьмин Я. В., Ходжинс Я. В. Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история народа саха : материалы Всероссийской интердисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л. Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.). Новосибирск : Наука, 2014. С. 233–240.

Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1974. 287 с.

Ионова О. В. Из истории якутского народа: (первая половина XVII в.). Якутск : Кн. изд-во, 1945. 112 с.

Bravina R. I., Petrov D. M (2018) Tribes «which became wind»: autochthonous substrate in ethnocultural genesis of the Yakuts revisited. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (41). P. 119-127. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Bravina R. I., Prokop'eva A. N., Petrov D. M., Syrovatskii V. V. (2019) Cremation rites at Batyran III and Kuuduk III sites in Erkeeni Valley of the middle Lena River. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*. No. 10. P. 109-123. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2019.10.31033

Vasil'ev F. F. (1995) Art of war of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 224 p. (In Russ.).

Vasil'ev F. F. (1994) Early Yakut ulus: social and military structures. *Etnos: traditsii i sovremennost' (sbornik nauchnykh trudov) = Ethnos: traditions and modernity (collection of scientific works)*. Yakutsk: YaNTs SO RAN. P. 32-50. (In Russ.).

Gvozdev R. V. (2011) The development of the military organization of the Tungus-Manchurs (based on materials of the mid-19th - 20th century). *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. P. 138-143. (In Russ.).

Georgievskii E. V. (2005) Deprivation of life in archaic societies, ritual and everyday life. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*. No. 4. P. 44-48. (In Russ.).

Gogolev A. I. (1990) Archaeological sites of Yakutia of the late Middle Ages of the 14-18 centuries. Irkutsk: Irkutsk State University. 192 p. (In Russ.).

Gulevskii A. N. (2014) War anthropology: will to fight. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Technical University*. No. 5 (132). P. 9-12. (In Russ.).

D'yakonov V. M., Stepanov A. D., Bagashev A. N., Razhev D. I., Kuz'min Ya. V., Khodzins Ya. V. L. (2014) Atlasovskoe burial of the 14-15th centuries of the Kulun-Atakh culture in the framework of the problems of the Yakuts ethnogenesis. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdienie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya naroda sakha. Materialy Vserossiiskoi interdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschyonnoi 125-letiyu G. V. Ksenofontova i 100-letiyu L. N. Gumileva (g. Yakutsk, 24-26 oktyabrya 2012 g.) = Riders of North Asia: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: Proceedings of All-Russian interdisciplinary scientific conference with International participation dedicated to the 125th anniversary of G. V. Ksenofontov and the centenary of L. N. Gumilyov (Yakutsk, October 24-26, 2012)*. Novosibirsk: Nauka. P. 233-240. (In Russ.).

Ivanov V. F. (1974) Historical and ethnographic study of Yakutia in the 17-18 centuries. Moscow: Nauka. 287 p. (In Russ.).

Ionova O. V. (1945) From the history of the Yakut people: (the first half of the XVII century). Yakutsk: Kn. izd-vo. 112 p. (In Russ.).

Исторические предания и рассказы якутов / сост. Эргис Г. У. М.-Л. : Академия Наук СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.

История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников; отв. ред. Л. П. Потапов. 2-е доп. и перераб. изд. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 430 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. : сб. документов / под. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 294 с.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 245 с.

Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М. : Институт Африки РАН, 2002. Т. 6. С. 79–90.

Крадин Н. Н. Элиты в обществах кочевников Внутренней Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 26–36.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. : Эксмо, 2019. 448 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А. Н. Алексеева. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.

Петров Д. М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилуйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Степанов Ц. Кочевая империя Степной империи, VI–IX вв.: взгляд на Других // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 144–166.

Табарев А. В. Пленники и смерть (обращение с пленниками в рамках комплекса боевых традиций североамериканских индейцев) // VICTORIA. GLORIA. FAMA : материалы Межд. конф. СПб. : Изд. ВИМАИВиВС, 2003. Ч. 3. С. 117–120.

Тадевосян Т. В. Человеческие жертвоприношения и каннибализм (на материале нартского эпоса и русских былин) // Эпосоведение. 2018. № 1 (9) С. 100–107. DOI: 10.25587/SVFU.2018.9.11687

Ergis G. U. (1960) Historical legends and stories of the Yakutsk. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 1. 322 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Potapov L. P. (1955) History of Yakutian ASSR. Vol. 1. Yakutia before joining to Russian State. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 430 p. (In Russ.).

Al'kora Ya. P., Grekova B. D. (1936) The colonial policy of the Moscow State in Yakutia in the 17th century. Collection of documents. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TSik SSSR im. P. G. Smidovicha. 294 p. (In Russ.).

Kosarev M. F. (1984) Western Siberia in ancient times. Moscow: Nauka. 245 p. (In Russ.).

Kradin N. N. (2002) The structure of power in nomadic empires. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii = Nomadic alternative of social evolution*. Moscow: Institut Afriki RAN. Vol. 6. P. 79-90. (In Russ.).

Kradin N. N. (2015) Elites in Nomadic Societies of Inner Asia. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii: kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph*. Barnaul: Altai State University. P. 26-36. (In Russ.).

Krashennnikov S. P. (2019) Description of the land of Kamchatka. Moscow: Eksmo. 448 p. (In Russ.).

Lindenau Ya. I. (1983) Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East. Magadan: Kn. izd-vo. 176 p. (In Russ.).

Alekseev A. N., Kryubezi E. (2012) The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU. 226 p. (In Russ.).

Petrov D. M. (2019) Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV-XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 2 (31). P. 67-80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Polos'mak N. V. (2001) The Riders of Ukok. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p. (In Russ.).

Stepanov Ts. (2015) The nomadic Empire of the Steppe Empire, VI-IX centuries: a view at Others. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii. Kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph*. Barnaul: Altai State University. P. 144-166. (In Russ.).

Tabarev A. V. (2003) Captives and death (treatment of captives within the complex of martial traditions of North American Indians). *VICTORIA. GLORIA. FAMA. Materialy Mezhd. konf. = VICTORIA. GLORIA. FAMA. Proceedings of the international conference*. Pt. 3. St. Petersburg: Izd. VIMAIViVS. P. 117-120. (In Russ.).

Tadevosyan T. V. (2018) Human sacrifices and cannibalism (on the material of the Nart epic and Russian bylinas). *Eposovedenie = Epic studies*. No. 1 (9). P. 100-107. (In Russ.). DOI: 10.25587/SVFU.2018.9.11687

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 416 с.

Тураев В. А. Хождение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 37–47.

Эллейада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонов (отв. ред. А. П. Окладников). М. : Наука, 1977. 246 с.

Якутия в XVII веке (очерки) / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск : Кн. изд-во, 1953. 438 с.

Яценко С. А. Группы элиты у сарматов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 86–98.

Информация об авторе

Д. М. Петров – младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1, Россия.

Вклад автора

Петров Д. М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 22 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Tokarev S. A. (2012) Social system of the Yakuts of the 17th-18th centuries. Moscow: LIBROKOM. 416 p. (In Russ.).

Turaev V. A. (2013) The Journey to «Meet the Sun» in the Context of Problems of Accession of the Far East to the Russian State (XVII-XVIII centuries). *Vestnik DVO RAN = Bulletin of the Far East Branch of the RAS*. No. 1. P. 37-47. (In Russ.).

Ksenofontov G. V. (1977) Elleyada. Materials on mythology and the legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Bakhrushin S. V., Tokarev S. A. (1953) Yakutia in the XVII century (essays). Yakutsk: Kn. izd-vo. 438 p. (In Russ.).

Yatsenko S. A. (2015) Elite groups of Sarmatians. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii. Kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph*. Barnaul: Altai State University. P. 86-98. (In Russ.).

Information about the author

D. M. Petrov – junior researcher of the Department of archaeology and ethnography, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, 1, Petrovskogo St., Yakutsk 677027, Russia.

Contribution of the author

Petrov D. M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 30, 2022; approved after reviewing February 22, 2022; accepted for publication March 9, 2022.